

«ДЕТСКИЕ ДУШИ КАЛЕЧАТСЯ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, УРОДЛИВЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ...»

Очерствение детской души — одно из психологических отклонений, которое отмечают сегодня опытные педагоги и психологи. О причинах этого явления наш постоянный автор Ирина Яковлевна Медведева беседует с Александром Владимировичем Шуваловым, руководителем психологической службы Центра развития творчества детей и юношества «Лефортово», старшим научным сотрудником Московского института открытого образования, кандидатом психологических наук.

— Александр Владимирович, с какой аудиторией Вы работаете?

— С детьми и родителями. Возрастных ограничений у нас нет — от младенцев до бабушек. Суть работы заключается в оказании первичной психологической помощи, которая предполагает и диспетчерские функции: если мы видим специальные проблемы, то рекомендуем обратиться к врачу либо к юристу.

— А какие случаи не входят в Вашу компетенцию?

— Пограничные расстройства психики, когда в эмоциях и поведении человека нет психологической понятности, когда поступки противоречат здравому смыслу, а человек либо не осознаёт этого, либо признаётся, что не в состоянии управлять собой.

— Разве пограничные состояния — не дело психолога?

— Это — дело врача-психотерапевта. В подобных случаях необходимо медицинское освидетельствование.

— Для дифференциальной диагностики?

— Да. Врач должен определить, есть ли медицинская тематика, и дать свои рекомендации. Значительное число проблемных ситуаций, с которыми мы сталкиваемся, отягощены явным медицинским компонентом и (или) социальным неблагополучием семей. Так, что психологический аспект часто оказывается вторичным, и помощь психолога — это необходимое, но не достаточное условие решения проблемы.

— Какие тенденции в поведении детей вы замечаете в последнее время?

Есть ли некие новые формы психологических отклонений?

— Думаю, что есть, и мы только начинаем их распознавать и осмысливать. Если говорить о современных тенденциях, то первая, на мой взгляд, связана с притуплением способности к сопереживанию. Я называю это явление **комплексом безродности**. Крайние проявления безродности характерны для «синдрома Маугли» и «социального сиротства». Речь идёт о детях, которые в раннем возрасте оказались лишены человеческой заботы и одичали, и о детях-бродяжках, обитающих в подвалах или на вокзалах. В этих случаях очерствение души — одно из условий выживания ребёнка в нечеловеческих условиях.

— Вы в своей практике встречаетесь с такими детьми?

— Нет. Но социально устроенных детей эта тенденция тоже не миновала. Связана она с разрывом связей между поколениями и разобщённостью членов семьи. Проявляется же комплекс безродности в чрезмерном своенравии и душевной

скуности, утрате чувства здоровой сентиментальности по отношению к окружающим людям, включая родных и близких. Эти особенности с той или иной степенью выраженности мы наблюдаем у значительного числа наших подопечных.

— **Какие ещё современные психологические тенденции можно считать знаковыми?**

— Австрийский психиатр Виктор Франкл называл «экзистенциальным вакуумом» состояния взрослых людей, не видящих в своей жизни смысла. Сейчас нечто подобное можно заметить и среди детей. Я бы назвал это **комплексом опустошённости**, который проявляется в апатичности, скептицизме, скудности и приземлённости интересов, следствием которых может стать и моральная распушенность. Есть такой сказочный образ, который хорошо иллюстрирует внутреннюю опустошённость — Кай в царстве Снежной королевы. Сердце мальчика, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала «оледенело», стало невосприимчивым к истинному, доброму и прекрасному. Специалисты замечают, что современные дети стали менее романтичны. Это тоже одно из проявлений опустошённости.

— **Вряд ли можно говорить о каких-то генетических мутациях. В чём, на Ваш взгляд, причина опустошённости современных детей?**

— Ориентация на вещные блага как на главное мерило качества жизни. Неискушённые, неокрепшие юные души податливы и пластичны, поэтому нравы, царящие в обществе, неизбежно накладывают отпечаток на психологию детей. Там, где возникает экзистенциальный вакуум, начинают разрастаться деструктивные проявления, которые в своих организованных формах образуют антикультурную среду. К явным формам антикультуры можно отнести криминальные группировки,

экстремистские организации, тоталитарные секты, порноиндустрию и проституцию, среду употребления и сбыта наркотиков. Дети, попадая под влияние суррогатных ценностей, оказываются втянутыми в те или иные антикультурные течения. На бытовом уровне **ценностно-смысловая дезориентированность** часто проявляется в радикальности взглядов, категоричности суждений, ожесточённости и враждебном настрое.

— **Правильно ли я поняла, что дети с признаками отчуждения и опустошённости более подвержены отрицательному влиянию?**

— В сказке «Снежная королева» не составило большого труда «пленивать» самонадеянного Кая. А хорошие сказки — это одновременно и отражение жизни, и предостережение на будущее.

— **Вы перечислили, как мне кажется, грубые формы дезориентированности. А есть ли более стёртые, менее ассоциальные?**

— Их можно назвать **культами**, например культ достатка и стяжательства, вещизм. Подросток может переживать как личную драму то, что его «мобильный телефон» не престижной модели, его одежда «не актуальна». Или, скажем, что он не справляет свой день рождения в модном клубе.

— **Но можно ли говорить о такой ценностной дезориентированности, как об индивидуальном психологическом отклонении? Ведь любой нормальный ребёнок, особенно подросткового возраста, хочет выглядеть «не хуже людей», хочет соответствовать неким социальным стандартам.**

И когда в качестве эталона ему предлагают, например, культ престижных вещей, он подчиняется этому именно как нормальный человек. Парадокс! Патологическое проявление как следствие нормальной адаптивности.

— Не парадокс, а одно из свидетельств того, что жизнь неумолимо усложняется и подбрасывает нам извечные проблемы в новом, ещё более изощённом виде. Тем более мы должны понимать, что подобные установки и убеждения деформируют личность, препятствуют развитию качественных, дружелюбных, уважительных отношений между людьми. В одном ряду с культом стяжательства стоят культ комфорта и гедонизм (тяга к наслаждениям, стремление к «красивой» и безмятежной жизни), культ успеха, культ силы, культ рации и циничный прагматизм. На этой почве пополняются и клинические группы — от уже известных одержимых работой «трудоголиков», до весьма экзотичных «шопинг»-зависимых (другое название — «магазинный невроз» — страсть к бессмысленным и фактически ненужным покупкам по принципу «я покупаю — значит, я существую»).

Интересно, что должностная инструкция предписывает педагогам-психологам заниматься «профилактикой возникновения социальной дезадаптации детей и подростков». По моему же мнению, есть основания говорить о психологическом здоровье детей не благодаря, а **вопреки тенденциям современной общественной и культурной жизни в нашей стране.** Сегодня такое понятие, как «контролируемая неадаптивность» приобретает новый, позитивный смысл, например, как устойчивость к воздействиям средств массовой информации, рекламы, PR-технологий, как проявление личной позиции.

— **Но тогда не обрекаем ли мы ребёнка на положение «белой вороны» и тем самым на психологический травматизм. Как с этим быть?**

— Ребёнок, который в своей семье не чувствует себя одиноким, уже защищён от «комплекса белой вороны». К слову, скрытая природа вещизма — это компенсация ущербных отношений с близкими. Воспитание в любви и достоинстве — условие психологического благополучия современных детей. Конечно, взрослым необходимо определяться с ценностными приоритетами в воспитании. Если хотя бы в семье они вняты и **неразрывны с образом жизни**, ребёнок будет более устойчив к искушениям.

— **Но в подростково-юношеском возрасте семья уходит на второй план, а на первый выходит общение со сверстниками, отношения с противоположным полом. И что тогда?**

— К этому возрасту мировоззренческий фундамент, как правило, уже заложен. Приближается время самостоятельного выбора, определения собственных предпочтений. Если в семье прочные отношения и доброжелательная атмосфера, если старшие сумели своевременно перестроиться и, сохранив контакт с младшим, стать для него интересным собеседником и доверенным лицом, это уже немало. Подростки вполне самостоятельны в своих взглядах и оценках. Если они были приобщены к верному и доброму, если существует **устойчивая духовная связь с родителями, — это самый сильный фактор, оберегающий их от пагубы.** Именно об этом Ф.М. Достоевский писал в «Братьях Карамазовых»: ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее воспоминание, вынесенное ещё из детства, из родительского дома: если набрать таких (добрых) воспоминаний с собой в жизнь, то спасён человек на всю жизнь, но и одно только хорошее воспоминание, оставшись при нас, может послужить нам во спасение.

— **Итак, Вы обозначили три аномальные тенденции личностного развития современных детей: комплекс**

безродности, комплекс опустошённости и ценностно-смысловая дезориентированность.

— Всё правильно. Думаю, что взрослые сегодня недооценивают эти феномены. Наверное, потому, что они не очевидны в своих проявлениях, а их последствия чаще бывают отсрочены во времени — как в отношении самого взрослеющего человека, так и в отношении окружающих его людей.

— Не могли бы Вы рассказать об этих последствиях?

— Начну с опустошённости. Она рано или поздно приводит к падению жизнеспособности: сначала это — меланхолия, потом — депрессия, общее снижение тонуса и интереса к жизни вплоть до суицидального поведения. И всё потому, что нет того, ради чего стоило бы жить, нет того, чему хотелось бы отдавать свои силы, нет того, чему стоило бы служить.

— А каковы последствия «комплекса безродности»?

— Пожалуй, это чувство одиночества. Причём не ситуационного одиночества, которое может посетить каждого, а постоянно сопровождающее человека, становящееся доминантой его мироощущения и не дающее ему возможности почувствовать себя счастливым, то есть причастным к жизни других людей — как ближних, так и дальних. Ведь «счастье» по-старославянски — это **соучастие**, встреча... Такие люди пытаются заглушить свою внутреннюю одиночку алкоголем, наркотиками, стяжанием, азартными играми, тем самым медленно уничтожают себя и физически, и духовно.

— И, наконец, чем грозит в будущем ценностная дезориентированность?

— В этом случае человек занимает разрушительную позицию уже не только и не столько по отношению к собственной жизни, сколько по отношению к жизни вообще, становится «агентом», проводником антикультуры,

живёт и действует по принципу «ничего святого» — за счёт других, в ущерб другим, против других.

— Александр Владимирович, а можно задать Вам более частный, но волнующий многих вопрос? Какие изменения Вы, практический психолог, наблюдаете у детей, увлекающихся компьютерными играми? Ведь сегодня для многих ребят это значительная часть досуга.

— К сожалению, для всё большего числа детей и подростков компьютерные игры становятся фактором, искажающим их развитие. Впервые мы — я и мои сотрудники — лет десять назад отметили почти одержимое

увлечение детей игровыми телевизионными приставками. (Тогда ещё компьютеры были менее доступны.)

В последние годы появились веские основания говорить об этом как о новой форме патологической зависимости.

— А почему, собственно, увлечение компьютерными играми надо называть зависимостью? Ведь когда дети играют, скажем, в шахматы, в лото или в футбол, никому и в голову не приходит говорить о зависимости. В чём принципиальная разница?

— Во-первых, в том, что и шахматы, и лото, и футбол — это социальные формы досуга, они предполагают партнёра или партнёров, то есть живое общение с другим человеком.

Во-вторых, увлечённость компьютерными играми проявляется, как минимум, в виде **пагубной привычки**, которая при попустительстве родителей быстро перерастает в болезненное психическое состояние.

— **Поясните, что такое пагубная привычка и чем она отличается от хорошей?**

— Пагубная привычка отвлекает от необходимых для нормального развития видов деятельности — учёбы, домашнего труда, общения со сверстниками...

— **Но любая игра, те же шахматы или тот же футбол, отвлекают от других полезных видов деятельности, прежде всего от учёбы.**

— Дело в том, что игры, как настольные, так и дворовые — спортивно-состязательные и ролевые — тоже являются необходимым условием для нормального развития ребёнка. Они ведь неотделимы от общения

со сверстниками, предполагают труд и преодоление, служат своего рода гимнастикой для тела, ума, воли и чувств взрослеющего человека. А пагубная привычка, расширяя свои полномочия в жизни ребёнка, вытесняет в том числе и здоровые детские игры. Постепенно она начинает доминировать настолько, что препятствует даже жизненно необходимым потребностям ребёнка — таким, как сон, еда, прогулки на свежем воздухе. Что, в свою очередь, подтачивает здоровье.

— **С пагубной привычкой мы разобрались...**

— Я-то на самом деле уже приступил к разбору болезненных состояний. Пагубная привычка ограничивает возможности ребёнка в развитии и за-

нимает промежуточное положение между здоровьем и болезнью. Да разве можно провести чёткую грань между пагубной привычкой и психологическим недугом?!

— **А как проявляется компьютерная зависимость в поведении детей?**

— Это падение познавательных и социальных интересов, снижение учебной мотивации и, как следствие, резкий обвал школьной успеваемости, сворачивание дружеских контактов. Ребёнок готов день и ночь сидеть за компьютером и бурно протестует против любых попыток хоть как-то его в этом ограничить.

— **Значит, он становится ещё и агрессивным?**

— Точнее сказать, он становится крайне раздражительным вплоть до агрессивности. Всё это негативно сказывается на его функциональном состоянии. Работоспособность — и интеллектуальная, и физическая, — резко снижается, потому что длительное сосредоточение на плоскости компьютерного экрана сильно перегружает зрительные анализаторы, а через них оказывает угнетающее воздействие на нервную систему в целом, отнимая у ребёнка ресурсы, необходимые для умственных занятий и общения. Хочу подчеркнуть, что у детей, увлечённых агрессивными играми-«стрелялками», наблюдается также девальвация ценности всего живого. Это можно определить по их рисункам, по суждениям, по свидетельствам родителей. Вот свежий пример. Несколько дней назад к нам на приём пришла женщина, восьмилетний сын которой успел пристраститься к электронным играм, в том числе к игре, где предлагается уничтожить разнообразных насекомых. Мама заволновалась, когда увидела, что на даче мальчик с азартом убивает насекомых — уже не виртуальных, а реальных жучков и паучков. Число такого рода примеров, увы, растёт

«ДЕТСКИЕ ДУШИ КАЛЕЧАТСЯ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО, УРОДЛИВЫМИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ...»

с пугающей быстротой, и есть все основания утверждать, что «кибер-мания» приобретает характер своего рода эпидемии.

— **Каковы наиболее распространённые ошибки родителей в подобных ситуациях?**

— Сначала это попустительское отношение со стороны родителей, когда они не придают значения страстному увлечению ребёнка или, более того, используют компьютерные игры в качестве поощрения, например, за хорошие оценки в школе. Позднее, когда незаметно утрачивается контроль над ситуацией, растерянные родители признаются в своём бессилии перед зависимым поведением ребёнка. Надо понимать, что предупредить проблему легче, чем её преодолеть. Для этого родителям нужно своевременно проявить здравый смысл, терпение и волю. Преодоление зависимости — это болезненный кризис и испытание не только для ребёнка, но и для всей семьи.

— **У Вас, насколько я знаю, есть исследования, посвящённые критериям психологического здоровья детей. Кажется, они основаны на представлении, что любовь — это универсальный способ реализации человеком своей сути. Правильно?**

— В общем, да... На саму эту идею меня навели работы крупнейшего современного психолога, моего учителя Виктора Ивановича Слободчикова. Опуская научно-методологические подробности вопроса, можно утверждать, что психологию здорового ребёнка (да и взрослого!) отличают: **жизнелюбие**, **трудолюбие**, **любопытность** и **человеколюбие** (или, если более широко, **миролюбие**).

Оценивая состояние и поведение киберзависимого ребёнка, мы вынуждены констатировать поражённость по всем четырём параметрам. На смену четырём базовым критериям нормы приходит: обесценивание всего живого,

включая себя самого вплоть до потребностей своего организма; атрофия привычки трудиться и находить в этом удовлетворение; падение познавательных интересов и саботаж учебной деятельности; замкнутость на себе, равнодушные и холодность к людям.

Если подвести итог, то ребёнок, срастаясь с компьютером, постепенно превращается в безвольную биологическую машину, по существу — в придаток к компьютеру.

— **А можно ли киберзависимых детей реабилитировать? Вернее сказать — спасти?**

— Что значит «можно»? **Необходимо!** Без этого наш разговор лишается смысла. Эта сложная задача требует сложения усилий. Усилий всех взрослых — родителей, педагогов, психологов, врачей. И даже... производителей и распространителей компьютерных игр.

— **А что они должны делать? Не производить и не распространять?**

— Сомневаюсь, что они прислушаются к такому призыву, но, может быть, кто-то из них призадумается. На их благосклонность нам, пожалуй, не стоит рассчитывать.

— **То есть игры никуда не денутся. И что же тогда? Может, строго запрещать?**

— Каждый родитель должен сам определить свою позицию: запрещать или «дозировать». Справедливости ради замечу: детские души калечатся, прежде всего, уродливыми человеческими отношениями. Испытывая недостаток заботы и воспитательной мудрости со стороны старших, младшие находят утешение в пагубном, в том числе и в компьютерных играх. Поэтому одними только запретами проблему мы не решим.

**БЕСЕДУ ВЕЛА ИРИНА МЕДВЕДЕВА,
ПСИХОЛОГ, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**